

avdet

Издается с 15 июля 1990 года

№18 (1108) 15 мая 2020 года

18 мая – с болью и надеждой

Трагедия, надежда, боль, радость – все это сегодня у крымских татар идет рядом. Горькой судьбой нам предназначено еще раз, и уже навсегда, отстоять, не под солнцем – под небом, свое место на родной и самой прекрасной земле.

Депортация началась в 1941-м

О Керченской десантной операции 26.12.1941 – 02.01.1942 гг. ... За прошедшее время крымская пресса уже достаточно осветила эту столь же героическую, сколь и бесполезную операцию Великой Отечественной. Предлагаемые вашему вниманию воспоминания участника этих событий, ветерана войны И. Фахры, откроют те страницы истории «освобождения Крыма», о которых историки и сегодня предпочитают не говорить.

Шла первая осень Великой Отечественной войны.

В сентябре-октябре 1941-го под натиском превосходящих сил фашистских полчищ часть советских войск отступила через Керченский пролив на Кубань.

Керчь днем и ночью подвергалась ожесточенным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу.

В начале декабря наш полк передали саперному батальону, и мы прибыли в Темрюк. Там учились рытью траншей, окопов и обращению с минами. Помню, стоял трескучий мороз, даже соленая морская вода замерзла. 29 декабря нас подняли по тревоге, и мы двинулись по непрочному льду Азова в сторону Керчи, шли вереницей и другие части на освобождение Крыма.

Под неожиданным ударом передовых частей 51 Армии и других соединений войск и флота фашисты поспешно отступали на Запад по Керченскому полуострову. Но уже в районе Семи колодезей враг опомнился и остановил продвижение советских войск. Мы перешли в оборону. Начали рыть траншеи, строить блиндажи, минировать линию фронта.

Пополз слух среди красноармейцев, что фашисты в Керчи и ее окрестностях расстреляли много мирных жителей, и это меня очень беспокоило. Я обратился к командиру части с просьбой отпустить меня на сутки домой, так как мои родители оставались в поселке Камыш-Бурун. По прибытию я обнаружил наш дом разрушенным, женщины рассказали о том, что мои перебрались в село Самострой, что рядом с поселком. Когда я стал приближаться к Самострою, женщины-татарки с криком и рыданием стали бежать ко мне навстречу, а за ними – мои сестры Бейе и Ремзие, и моя мать, которая, не добежав, упала и потеряла сознание от волнения. Все плачут, прогибают немцев, обнимают меня. Когда мама пришла в сознание, сестры рассказали, что фашисты всех мужчин и мальчиков угнали в Керчь и на станции Багероно расстреляли около 8 тыс. человек: русских, украинцев, евреев с женами и детьми, крымских татар, среди которых были мой старый отец и брат. Я, видевший много крови и убитых на войне, сейчас удивляюсь, бесстрашию моих сестер, перебравших гору окровавленных и оконеченных трупов, пока искали тела отца и брата.

На второй день я вернулся на передовую. Немцы продолжали ожесточенные и беспощадные бомбежки наших передовых линий и тылов.

В один из дней командир взвода говорит мне: «Получи у старшины роты сухой паек и иди в штаб батальон». Когда я явился туда, там были несколько десятков крымских татар и красноармейцы кавказской национальности. От штаба нас повели еще на какой-то сборный пункт, где уже было много моих земляков-татар. К вечеру нас привезли на Камыш-Бурунскую пристань и погрузили на борт какого-то большого корабля. На борту корабля было около двух тысяч солдат, преимущественно крымские татары.

Почему нас сняли с фронта, куда нас везут, почему одни крымские татары? Толком на эти вопросы никто ответить не мог. На рассвете мы были в Новороссийске, а следующие сутки, в течение которых пережили страшный артобстрел фашистов, мы уже были в военном лагере на заснеженной горе над Тбилиси. Потом мы узнали, что сюда прибыли еще несколько партий крымских татар. Холодный мартовский ветер, метет снег, а нас поместили в брезентовые палатки. Спали, не разувшись и не раздевшись. Здесь военному делу не обучали, кормили три раза в день пшеничным супом.

Через 10 дней ночью мы спустились с гор на железнодорожную станцию. Там стоял состав из 50 товарных крытых вагонов и в каждый нас помещали по 50 человек, подавляющее большинство снова – крымские татары. Пока состав двигался от Тбилиси на юг, мы думали, что нас везут в Иран, там стояли советские войска, очевидно, для охраны грузов, поступавших из США. Но когда прибыли в Баку и стали двигаться на север, стало известно, что нас везут на фронт.

Свидетельствуют архивы

Чудовищные масштабы государственного мародерства раскрываются в архивных документах. Об ужасах выселения народа в мае 1944 г. много рассказано и написано. Но по сей день почти ничего неизвестно о том, что стало с имуществом несчастных людей, в одночасье потерявших все нажитое годами нелегким трудом. Очевидцы рассказывали, что в татарских деревнях на следующий день после депортации стояла жуткая картина: не было ни единой души, мычали недоенные коровы, скулили собаки, были настезь раскрыты все двери...

Что же произошло дальше? Система, проповедовавшая, что «социализм – это прежде всего учет», и здесь оставалась верной себе. На местах везде были созданы специальные комиссии, которые принялись собирать и составлять списки-акты того, что не успели расстать «шустрые соседи». Однако представить в полном масштабе размеры ограбления целого народа просто невозможно. И все же приведем некоторые цифры.

Известно, что крымских татар перед войной насчитывалось 251 тыс. человек или 22% от общей численности населения Крыма. Из них 65,3 тыс. человек были заняты в народном хозяйстве (без учета их занятости в сельском хозяйстве, транспорте и связи), в том числе: в промышленности 24,3 тыс., в строительстве – 6 тыс., в государственных и общественных организациях – 6,6 тысяч, в торговле и общественном питании – 7 тысяч и других отраслях – 21,4 тысяч человек. Таким образом, вклад в создание материальных ценностей полуострова был существенным. Расчеты показывают, что на долю крымскотатарского народа, занятого в народном хозяйстве, приходилось основных фондов стоимостью 178,4 млн. рублей в ценах того времени. Это без учета стоимости отнятого и присвоенного личного имущества в процессе депортации.

Бесстрастные цифры архивных документов свидетельствуют о том, что скота, например, в личном хозяйстве имелось свыше 480 тыс. голов стоимостью в 47 млн. руб. (в ценах 1961 г.). Приусадебных участков у колхозников было более 34 тысяч. Запасы продовольствия, семян, саженцев, кормов для домашних животных, строительных материалов для ремонта домов было оценено в 93 млн. рублей. Около 40 тысяч центнеров пшеницы, кукурузы, ячменя, муки, круп и других видов сельхозпродуктов было найдено, учтено и изъято у спецпереселенцев в сараях, амбарах, ямах. Кроме этого в период подготовки и выселения нашего народа в счет государственного плана было заготовлено 40 тысяч тонн хлеба, 40 центнеров табака, 95 тысяч литров вина, 314 центнеров сухофруктов, 43,2 тысяч штук овчин, 554 тонны шерсти. Учтен и тот факт, что основная масса крымских татар проживала в сельской местности. От них «осталось» громадное количество сельхозинвентаря: 1,3 тысяч повозок, 2,5 тысяч комплектов сбруи, 28,6 тысяч лопат.

Основного же богатства, составляющего жилой фонд народа, было изъято около 80 тысяч домов со всем имуществом и предметами домашнего обихода.

Таковы цифры, такова далеко не полная картина грабежа. Не полная, потому что не хлебом единым жив человек. Были отняты и духовные ценности. В акте в графе «ликвидировано» написано: изъяты книги из 112 личных библиотек, из начальных школьных библиотек более 220 книг. Все это потом было сожжено. Ущерб, нанесенный от ликвидации книжного фонда, по приблизительным подсчетам составляет не менее 18 млн. рублей. А школы, учреждения культуры? В одно мгновение перестали существовать 640 начальных школ, 221 средняя школа, 263

Но какой смысл перевозить нас, крымских татар, с фронта на фронт? Это уже потом, через много лет я понял замысел Верховного главнокомандующего. Сталин не хотел, чтобы мы участвовали в освобождении Крыма, так как ему нужна была причина для предстоящего выселения всего крымскотатарского народа. Поэтому от нас решили избавиться, а еще лучше просто истребить, отправив на самый тяжелый участок фронта.

Ехали мы целый месяц через Москву, по освобожденной Калининской области, и на какой-то станции Новгородской области разгрузились и прошли еще несколько дней по лесам и болотам и прибыли в 45-ю Стрелковую бригаду, которая стояла на передней линии самого правого крыла Северозападного фронта. Был уже апрель 1942 года, снег еще лежал на земле, а под снегом – незамерзшая болотная вода. Нас разбили по ротам и батальонам, кушать давали 100 г сухарей и по пачке концентрата пшенной каши. На пять солдат приходилась одна винтовка и пять патронов. Дорога в лесах – настеленная из бревен, очевидно, поэтому и невидны ни танков, ни тяжелой артиллерии. Окопаться нельзя – вода, траншеи строить также нельзя.

Скоро 1 мая – праздник. В честь праздника – наступление. Рано утром прочитали политработники приказ о переходе в наступление войск по всему фронту. Небольшая артиллерийско-минометная подготовка и «Ура-а-а! За Родину! За Сталина! Вперед!» Поднялись, пошли, но фрицы такой бешеный огонь открыли из пулеметов и автоматов, а затем и минометов, что наших ребят как серпом косило. Назад отползти нельзя, раненых вынести с поля боя невозможно – сплошной огонь над головой.

С наступлением темноты огонь убавился, раненые, кто мог, и живые вернулись. Ночью послали группу красноармейцев за винтовками на поле боя – они притащили на плащпалатках несколько раненых. 2 мая опять наступление, опять тот же ужас. После этих боев из пополнения в полторы тысячи крымских татар в строю остались десятки.

А потом начался настоящий голод, крошки сухарей делили между солдатами ложками, варили сами щавель и крапиву, ни круп, ни картонки, ни соли. Воины в сожженных немцами селах искали под обломками домов шкуры животных, зерно, картонку. У людей отекали руки и ноги, опухали лица до неузнаваемости, они умирали, как мухи.

Мне повезло: перевели в комендантский взвод по охране комбрига, у которого поваром был мой земляк из Дерекоя Рустем Катранбуок. Он и давал мне остатки каши и тем самым спас меня от голодной смерти.

Летом, когда бригаду сняли с передовой для вторичного пополнения из крымских татар, кроме Рустема, я уже никого не видел. Остальные мои земляки навечно остались в болотах северо-запада и в лучшем случае, некоторые ранеными ушли в госпиталь...

Вот так уже в начале войны Сталин готовился освободить Крым от его коренного населения.

И. ФАХРЫ, участник ВОВ, ветеран 51 Армии, г. Джанкой

От редакции

Мы полностью разделяем мысль автора письма о том, что еще задолго до 44-го года «отец народов» готовил планы депортации крымских татар с полуострова и их геноцида.

В подтверждении этого публикуем фрагмент секретного постановления № ГОКО -, 1828 сс Государственного комитета обороны от 29 мая 1942 года, в первом пункте которого указано: «В дополнение к ранее проведенному выселению из г.г. Краснодар, Новороссийска, Туапсе, Анапы и районов Таманского полуострова иностранных подданных и лиц, признанных социально-опасными, провести в двухнедельный срок в том же порядке выселения этой категории лиц из городов и населенных пунктов Краснодарского края (Армавир, Майкоп, Кропоткинская, Тихорецкая, Прмморско-Ахтарская, Ольгинская, Лебединская, Петровская, Варениковская, Тоннельная, Шапшугская, Лазаревская, Павловская, Крымская, Тимашевская, Кущевка и Дефановка) и Ростовской области (Ново-Батайск и прилегающие к Краснодарскому краю районы Азовский, Батайский и Александровский). Выселения в административном порядке подлежат, кроме лиц признанных социально-опасными, также лица немецкой и румынской национальности, крымские татары и иностранно-подданные (греки)»

клуба. По сути уничтожена вся система образования на крымскотатарском языке.

Возьмем, к примеру, Ялтинский район, где подавляющим населением были крымские татары. Здесь имелся 21 населенный пункт, входивший в 18 сельских и курортных поселковых советов. До высылки в районе было 20 колхозов, где насчитывалось 1825 крестьянских дворов с населением 7666 человек, в том числе Трудоспособных 4767 человек. Выселение крымских татар проводилось со всех 21 пунктов и составило 11926 человек или 3214 семей. Из 9 пунктов было выселено почти все население, что видно из данных нижеследующей таблицы.

В остальных 12 поселках (в основном в курортных: Алупка, Ливадия, Мисхор, Симеиз, Кореиз, Массандра и Аутка) осталось всего 1412 семей с населением 5505 человек. Как видно из данных, от общего числа проживавших в районе (17431 чел.), высланные крымские татары составляли 68,4%. У них были отобраны 1763 дома, где проживали 3138 семей, 227 голов крупнорогатого скота, 1441 голов коз, 71 овца, 24 голов птицы, 136 лошадей и 15 пчелосемей. У населения было конфисковано свыше 150 центнеров зерновых культур и табака, 73 единиц кожи и 32 кг шерсти, которые производились на надворных участках, где, кроме этого имелось 900 фруктовых насаждений, 595 кустов винограда.

Конкретно в разрезе отдельных населенных пунктов ущерб, нанесенный нашим соотечественникам можно рассмотреть на примере деревни Ай-Василь. В архиве сохранилось 209 актов и справок о приеме скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества, отнятых в момент депортации, хотя было выслано 413 семей крымских татар. Анализ актов показал, что было изъято у переселенцев продуктов сельского хозяйства (зерновых культур, муки, круп, табака, кофе и т.д.) - 13986 кг, 4947 единиц различных домашних вещей (одежды, обуви, мебели и т.д.), более 730 единиц сельхозинвентаря. Было оставлено 315 домов и столько же построек-сарая, приусадебных участков площадью 30,9 тысяч кв. м, на которых располагались 3,8 тысяч фруктовых деревьев и более 2000. кустов винограда.

Разумеется, работа с архивными документами, относящимися к периоду депортации, только началась и требует значительного времени. Но ее необходимо продолжить, так как пришло время отдавать долги.

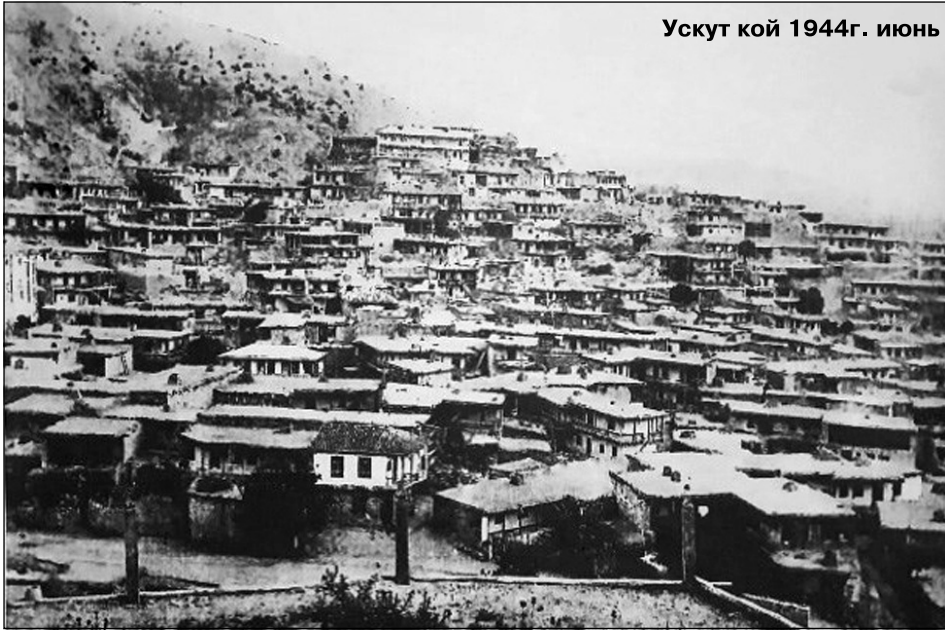
Х. МУСТАФАЕВ, Р. БЕКМАМБЕТОВ

Поселки	Численность населения до депортации (семей – человек)	После депортации (семей – человек)
1. Дегерменкой	250 – 995	4 – 9
2. Кизилькой	104 – 310	11 – 47
3. Партенит	90 – 334	11 – 26
4. Куркулет	69 – 331	2 – 5
5. Кизилмаш	249 – 995	5 – 42
6. Ай-Василь	418 – 1469	5 – 18
7. Лимены	69 – 278	7 – 26
8. Кекенеиз	168 – 633	17 – 51
9. Кучуккой	59 – 201	7 – 25

Источник: Центр информации и документации крымских татар

СВЕДЕНИЯ об ущербе, нанесенном крымскотатарскому народу вследствие насильственной депортации 18 мая 1944 года

(составлена на основании исследования документов
Крымского Госархива)

Ускут кой 1944г. июнь

По данным Крымского Государственного архива численность населения Крымской АССР к началу Отечественной войны составляла 1126,4 тыс. чел., в том числе 251 тыс. крымских татар (22,3% от общей численности). Занятость населения в целом по народному хозяйству в это же время составляла 292,4 тыс. чел. (или 26%) от общей численности населения, в том числе 65,3 тыс. крымских татар.

Согласно архивным данным, из Крыма в 1944 году насильственно было выселено 188 626 крымских татар, в том числе из городов 19 750 человек и из сельской местности 168 876 чел.

В результате депортации многие населенные пункты остались абсолютно безлюдными. Характерным в этом отношении является Ялтинский район, где абсолютно преобладающее большинство сельского населения составляли крымские тата-

ры. Здесь имелся 21 населенный пункт, они входили в 18 сельских и курортных поселковых Советов. До высылки в районе было 20 колхозов, где насчитывалось 1825 крестьянских дворов с населением 7666 человек. Выселение проводилось из 21 населенного пункта, в результате чего многие из них опустели. Из 9 сельских населенных пунктов численностью 5546 человек (1470 семей) было выслано 5297 крымских татар (1401 семья). После депортации здесь осталось 249 человек (69 семей), жителей русскоязычного населения. В частности, в поселке Дегерменкой (ныне Запрудное) до депортации проживало 995 человек, после выселения осталось всего 9 человек русскоязычного населения. Аналогичная картина наблюдалась и по остальным населенным пунктам района. Остальная часть крымскотатарского населения была истреблена в годы войны, находилась в рядах Советской Армии, частично была насильственно угнана в Германию или направлена в так называемую "трудовую армию" для работы в шахтах и на лесозаготовках.

В результате депортации у крымских татар было изъято 80 с лишним тысяч домов, более 34 тысяч приусадебных участков у колхозников, около 500 тысяч голов скота, посевной площади колхозов – 360000 га, табачных плантаций – 8000 га, 360 пчеловодческих насок, около 40 тысяч тонн сельхозпродуктов. Большой урон нанесен учреждениям культуры и общественным организациям, а именно ликвидировано:

- личных библиотек – 112;
- библиотек начальных школ – 640;
- библиотек средних школ – 221;
- колхозных библиотек – 200;
- изб-читален – 360;
- районных библиотек – 30;
- городских библиотек – 60;
- крымскотатарских школ: начальных – 640;
- средних – 221;
- клубов – 263.

По сути дела была ликвидирована вся система высшего, среднего и специального образования на крымскотатарском языке.

Сельские жители при депортации вынуждены были оставить 6700 единиц сельхозинвентаря.

Основные виды предметов домашнего обихода, изъятых при депортации, составили более 751 тыс. единиц. Как свидетельствуют вышеперечисленные данные, нанесенный материальный ущерб огромен.

Проблема справедливого возмещения материального и морального ущерба, несмотря на сложность ее разрешения, несомненно, должна быть решена. Мы убеждены в том, что принятие Закона "О восстановлении прав крымскотатарского народа, армян, болгар, греков и немцев, депортированных из Крыма в 1941-1944 годах" положит начало урегулированию этих вопросов как в интересах депортированных граждан, так и в интересах всего общества.

Источники:

1. Крымский Госархив, фонд 2221, опись N1, дело N555;
2. Крымский Госархив, фонд Р-652, опись N2, дело N29;
3. Крымский Госархив, фонд Р-652, опись N22; дело №14.

Халил МУСТАФАЕВ, кандидат экономических наук

«По тущобам земных широт рассовали нас, как сирот...»

Мирные жители Крыма еще не успели опомниться от оккупации, еще не успели надыхаться полной грудью чистым воздухом, не успели понять, что родная земля отныне свободна, а в умах руководства страны уже зрел план насильственной депортации самого большого по численности коренного народа Крыма. В апреле 1944-го замнаркомы Госбезопасности и Внутренних Дел СССР Кобулов и Серов доложили наркому ВД Лаврентию Берии, что «на первое апреля 1944 года население Крыма насчитывало 1126 800 человек, татар – 218 тысяч. Все призванные в Красную Армию составляли 90 тысяч человек, в том числе 20 тысяч крымских татар...».

Параллельно с этой докладной на стол Сталина легла другая, уже от самого Берии. В ней он сообщал, что НКВД вносит на рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма, и высказывался о целесообразности расселения их в качестве спецпоселенцев в районах УзССР для использования в сельском хозяйстве. К тому времени этот вопрос уже был согласован с секретарем КП(б) Узбекистана Юсуповым. Постановление ГКО не заставило себя ждать. Под грифом «совершенно секретно» оно появилось 11 мая 1944 г. и было приведено в исполнение менее, чем за десять дней.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5859 сс от 11 мая 1944 года, г. Москва, Кремль

О крымских татарах

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой так называемых "татарских национальных комитетах" и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. "Татарские национальные комитеты", в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отделения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпереселенцев в районы Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (т. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью. Оставшееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и домашний скот, а также домашняя птица принимается Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция – Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот – Наркомземом СССР, племенной скот – Наркомсовхозом СССР.

б) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцев, в сроки по согласованию НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути.

3. Наркомторгу СССР (т.Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве, согласно приложению №1.

4. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсупова, председателя СНК УзССР т.Абдурахманова и Народного Комиссара внутренних дел УзССР т.Кобулова до 1 июня с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах УзССР 140-160 тысяч человек спецпереселенцев – татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР. Расселение переселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйственных предприятиях и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности...

5. Обязать Сельхозбанк (т.Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в УзССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

6. Наркомфину СССР (т.Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с.г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 млн. рублей.

Председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5937с от 21 мая 1944 г., г.Москва, Кремль

1. Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленности и леспромпхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесины, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10 000 семейств переселяемых крымских татар.

2. Обязать Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности и Наркомлес принять и разместить для работы на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности и леспромпхоза, обеспечивающих целлюлозно-бумажную промышленность древесины, направляемы к ним 10 000 семей спецпереселенцев. Разрешить НКВД СССР в районах размещения спецпереселенцев - татар на предприятиях Наркомлеса и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности создать спецкамендатуры.

Председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин

Этими двумя секретными постановлениями Иосиф Сталин перечеркнул многовековую историю народа, оторвал его от родной земли и отправил его на многие годы в ссылку «для использования в сельском хозяйстве и промышленности».

Ни одно из них не опубликовали тогда в печати. Оба постановления были разосланы строго по назначению и были известны лишь исполнителям. Последние же не преминули воспользоваться особой секретностью документов, а, следовательно, и проводимых мер, и не выполняли некоторые пункты постановлений, которые, возможно, хоть немного облегчили бы страдания людей. Зато те пункты, где говорится о конфискации оставшегося после выселения имущества, были по-коммунистически перевыполнены.

Еще в начале апреля 1944 года парком Внутренних Дел Л. Берия подписал опять-таки секретный приказ «О мерах по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». «Меры» предусматривали «командировать в НКВД и НКГБ Крымской АССР 5 тысяч человек. Для поддержания операции войсками выделить 20 тысяч человек внутренних войск НКВД. В этих целях т. Апполонову, кроме имеющихся в настоящее время в распоряжении НКВД Крымской АССР 40, 137, 290 и 298-го стрелкового полков 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД и 23 и 95 пограничных полков пограничных войск НКВД общей численностью 7000 человек - направить в распоряжение НКВД следующие воинские части: 25-й стрелковый полк из Кутаиси, 170-й стрелковый полк из Налчика, 144-й отдельный стрелковый батальон с отдельной снайперской ротой из Еревана, 2 батальона 211-го стрелкового полка из Ростова, 36-й мотострелковый полк с отдельным батальоном из Баку, 221 и 224 отдельные стрелковые батальоны 25-й стрелковой бригады из состава войск Украинского округа, 1,2 и 10 мотострелковые полки 1-й мотострелковой дивизии из Москвы».

Может быть, кто-нибудь из служивших в перечисленных войсках и участвовавших в выселении крымских татар еще живы. Спросите их, что они чувствовали, распахивая прикладами автоматов женщин, детей и стариков по вагонам. Что читали они в

их глазах, когда ворвались ранним майским утром в еще сонные дома. Что слышали, отбирая и пряча нехитрый скарб, прихваченный второпях, возможно, одежду, возможно, хлеб, чтобы покормить и успокоить испугавшихся детей.

А детей было много, около 50% составляли дети до 16 лет, 35% – женщины и лишь 15% (т.е. около 28 тысяч) мужчины, включая стариков, инвалидов, бывших партизан и партийно-хозяйственный актив, успевший возвратиться в Крым из эвакуации для восстановления Советской власти. За первые несколько лет, по данным исследования Национального движения крымскотатарского народа погибло 46,2% от общей численности, высланных, из них половина – дети...

К вечеру 19 мая Берия получил телеграмму «По состоянию на 18 часов 19 мая с.г. подвезено спецконтинента к станциям погрузки 165515 человек. Отправлены к местам назначения 50 эшелонов численностью 136412 человек. Операция продолжается. 19 мая 1944 г. Симферополь-Кобулов, Серов». А к 16 часам 20 мая Крым рапортовал о завершении карательной операции.

Трагическая участь крымтатар вскоре постигла «немецких пособников из числа болгар, греков и армян». Второго июня было подписано постановление об их выселении. А еще позже, 22 июня, Берия и Жуков подписали следующий секретный приказ № 0078/42. Пункт 2г разъясняет «секретность» всех принимаемых постановлений, связанных с насильственным выселением людей.

Всего за годы войны насильственной тотальной репрессивной депортации Сталин и его ближайшие соратники-коммунисты подвергли: немцев – 28 августа 1941 г. из Поволжья и других районов СССР, карачаевцев – 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области, калмыков – 28 декабря 1943 г. из Калмыцкой АССР, ингушей – 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР, балкарцев – 8 марта 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР, крымских татар – 18 мая 1944 г. из Крымской АССР, месхетинских турков – 14 ноября 1944 г. из Грузии, греков – 27 июня 1944 г. из Крыма, в июне 1949 г. из Грузии.

Трагическая судьба солдат и офицеров – крымских татар, вернувшихся на Родину после войны

О судьбе некоторых из них рассказывают свидетели страшных казней офицеров и солдат из числа крымских татар, вернувшихся на Родину с фронтов войны, но не заставших свои семьи дома – все они были депортированы как предатели.

Военный повар Асим Джуневтов, скрывший свое национальное происхождение и некоторое время еще прослуживший в Крыму. После 18 мая прошло какое-то время, и он получил приказ ехать с помощником в командировку к военным строителям на Ай-Петри.

«Утром рано я поднялся, чтобы вскипятить чай. Рядом с этим домиком на Ай-Петри был с правой стороны сосновый лесок – я туда пошел за дровами. В это время подъехали закрытые брезентом машины. С этих машин сошли люди в военной форме, погоны оторваны, ремни сняты, глаза завязаны и руки завязаны назад. Все они были босиком. Их погнали в сторону от леса, к самому обрыву над Ялтой. Я их считать стал – 25 человек, все в офицерской форме. И против них строились автоматчики. Я понял, что их стрелять будут, командовал один полковник. И один генерал по одежде и погонам, я заметил, ходит туда-сюда, что-то шепчет. Не мог слышать всего, мне трудно было, я отвернулся, а когда повернулся лицом, людей уже не было, автоматных очередей не слышал, наверное, их толкали, там очень большой обрыв.

Пошел к котлу, ко мне подошли два солдата, просили пить. Я дал им чай холодный, они пили. А я, в свою очередь, стал спрашивать, кто были те казненные? «Крымские татары, офицеры, стали требовать свои семьи, подняли шум в Симферополе, их там арестовали, сразу приговорили к расстрелу. Среди них было 5-6 человек русских [речь идет о смешанных, русско-татарских семьях]. Это было в 1944 году, в июне или июле».

Такой же инцидент почти в точности повторился через год, высоко над берегом между Гаспррой и Мисхором, свидетелем стал старый русский человек из местных. Там группа крымскотатарских офицеров столкнули с обрыва в море живыми.

«Обычно такие казни, говорят, происходили в 1945-46 гг., когда демобилизованные офицеры, не найдя своих родных в Крыму, выражали возмущение несправедливостью содеянного. Таким предлагали собраться в определенный день, якобы помочь им поехать в места высылки, найти семьи, но вывозили их на расстрел».

Похожая, но не во всех деталях, расправа произошла в совсем другом краю Крыма. В Судакском районе, близ Туака, группу крымских татар-офицеров взорвали вместе с машиной, на которой доставляли туда откуда-то из другого места. Знаменитый партизан и авторитетный свидетель Бекир Османов сообщал, что 78 татар-офицеров было расстреляно на склоне Сапун-горы (Севастополь), он же уточнял количество жертв

взрыва в Туаке – 12 человек.

Гораздо позже окончания депортации произошел расстрел в Корбекуле, у стены сарая для сушки фруктов. Свидетели, на сей раз не татары, рассказывают, что у офицеров ордена и медали не были сняты, сверкали на солнце до последней минуты. Поскольку казнь происходила не в глухом лесу или на пустынном побережье, то ее наблюдали многие, и подробностей сохранилось больше. Среди 7 человек расстрелянных двое – Арнаутов и Подош – были местными, их узнал в лицо корбекульский пастушок, русский мальчик Володя Шеленга, рано утром проходивший со стадом близ сараев. Летчик Муаррем Арнаутов, брат казненного, узнал о казни брата совершенно случайно, от соседа по палате в госпитале, во время обычной беседы, то есть из совершенно независимого источника.

Сообщают, что в 1945 году крупная группа средних и старших офицеров-крымских татар (300-400 чел.) собралась в Симферополе. Они требовали возвращения их семей в Крым. Дело дошло до Москвы, из ЦК партии поступило распоряжение отправить всю группу временно в какой-нибудь санаторий на Южном берегу, пока будет решена техническая сторона дела. Так и сделали, а затем состоялось обычное «решение проблемы», свидетелем исполнения которого оказался вполне конкретный человек, военный шофер Гриша: «Была глубокая ночь, мы, не зная для чего, остановились у здания санатория, в машины стали грузить каких-то людей, охрана была такая, что у каждого из этих людей был поставлен охранник, и каждый вел своего. Я услышал только, что мы едем в какое-то дере (ущелье). С нами никто не разговаривал. По приезду в это дере, мы, выгрузив людей, стали отъезжать, я услышал частые автоматные очереди, услышали это и другие водители. Людей [которых казнили] было приблизительно человек 400».

Еще одно свидетельство – о расстреле на склоне Бабугана, куда офицеров доставили прямо из Симферополя; еще одно, того же рода, – о боине близ деревни Топлы, а сколько подобных акций было проведено более профессионально, то есть совершенно скрытно?

Полковник Решат Садреддинов вспоминает, как после капитуляции Германии подразделения, в которых он находился, перебросили в Австрию. Тогда и удалось получить увольнительную, чтобы поехать в Акьмесджит. То, что он увидел там, поразило: нигде нет ни одного крымского татарина. Сгоряча он направился в здание НКВД, одетый по форме, в орденах, медалях, с наградным «ТТ».

– Прихожу туда, а там сидит какой-то лейтенант. Я на него накинулся: как так, почему? Он мне в ответ начинает что-то юлить, а я думаю, застрелю его, сволоочь. Выхватываю пистолет. И тут кто-то сзади дает мне команду:

– Кругом! Выйти из кабинета!

Я выполняю команду, выхожу. А потом подходит ко мне какой-то человек и говорит: «Такие как вы, офицеры-крымские татары приезжали два месяца назад, требовали объяснить, почему их семьи выслали. А их, человек 200-250, посадили на автобусы, вывезли под Карасубазар и расстреляли под Белой скалой. У вас есть 24 часа на то, чтобы покинуть Крым».

До сих пор не знаю, кто был этот человек. Я из Акьмесджита поехал сразу в Москву и стал выяснять уже там, где находится моя семья».

За три дня Решат Садреддинов выяснил, что его родные находятся в Узбекистане, в городе Бекабад. Приехав туда, он нашел их в землянках, голодных и больных.

Анифе Шевкиев рассказывает о том, как ее муж, старший лейтенант Ибраим Шевкиев был свидетелем расстрела группы крымскотатарских офицеров между Новоалексеевкой и Джанкоем. Состав остановили и приказали всем крымским татарам выйти из него. Ибраим Шевкиев был без ноги, на костылях. Несколько офицеров, когда им сказали, что в Крыму их семей уже нет, и им следует ехать в Среднюю Азию, начали возмущаться. Энкаведешники отвели их в сторону и расстреляли. Также Ибраим Шевкиев рассказывал, что некоторых крымскотатарских летчиков, выразивших возмущение тем, что когда они проливают кровь на фронтах, их семьи выгнали из домов и отправили умирать на чужбину, посадили в бочки и сбросили с самолетов.

Судьба солдат, чьи части стояли в Крыму, оказалась иной. Усеинов Асан из Узунджи (Балаклавский район), служивший в Приморской армии, вспоминает: «После 18 мая мне перестали доверять... Я стал замечать, что за мной следят. В один день меня вызвал старшина и сказал: „Берите продукты, вы поедете в другую часть, в артполк“. Я сдал автомат, а продукты не взял. Мой попутчик, старший сержант, привел меня в т. наз. артполк, расположенный за Симферополем и огороженный колючей проволокой. Здесь мне дали новую одежду. В этом полку собрали со всего Крыма крымских татар-фронтовиков, всего 150-200 человек. На вышках вокруг нас охраняли вооруженные солдаты. У нас же ни у кого оружия не было. Среди нас было немало офицеров-крымских татар и несколько медсестер. Однажды ночью нас погрузили в машины и привезли в Симферополь, где нас оцепили „зеленые фуражки“. Всю ночь мы простояли. Утром нам приказали построиться по четыре и идти к вокзалу. Строй вели наши, но по краям шли „зеленые фуражки“. Пришли на вокзал, подали команду „Смирно!“».

К нам вышел генерал (зам. Берия), мы не дали ему говорить, стали кричать, чтобы убрали от нас оцепление. Генерал дал команду убраться... и обратился к нам со следующими

словами: „Ваши семьи находятся в Средней Азии. Простите, у нас не было возможности разобраться с ними. Вы сейчас без всякой охраны поедете в Узбекистан. Ваши родные находятся в очень тяжелом положении. Прошу вас не задерживаться в дороге“.

Несмотря на скудость информации, дошедшей до нас, уже сейчас можно сделать некоторые осторожные выводы. Судя по всему, казни татарских офицеров заранее не планировались – несколько десятков крымскотатарских солдат и офицеров, лежавших в крымских госпиталях, по выздоровлении были благополучно отправлены в среднеазиатскую ссылку. Расстрелы же, скорее всего, были вызваны настойчивостью и последовательностью требований боевых офицеров (судя по всему, их скопилось в Крыму неожиданно много), которые наверняка пользовались симпатией таких же, как и они, фронтовиков – русских офицеров. Эти крымскотатарские группы грамотно и настойчиво требовали отмены постановления о депортации, не имевшего под собой никакой правовой основы, противоречивших советской Конституции – все это было очень серьезно. Тогда, очевидно, и было принято какое-то решение об их «обезвреживании» обычным для карательных органов методом. Соответствующее распоряжение было, очевидно, разослано в райвоенкоматы Крыма. Этот вывод следует из того, что аппарат именно РВК явился единственным исполнителем указанной акции. Дальнейшее научное расследование, безусловно, уточнит эту картину, нарисованную здесь в самых общих чертах.

Размышление над судьбой обеих небольших групп крымских татар, отколовшихся от основной массы народа, и тех мирных жителей, что остались на родине после депортации, и боевых офицеров прорвавшихся на полуостров гораздо позже завершения «этнической чистки» Крыма – приводят к схожим выводам. И первые, и вторые не могли не осознавать, что бросают вызов сталинскому режиму, вызов не просто опасный, но ведущий к практически неизбежному смертельному исходу.

Что руководило этими гордыми людьми, что именно оказалось сильнее естественного и властного инстинкта самосохранения, сильнее даже любви к ближним, на вечную разлуку с которыми, они знали, себя обрекают? На этот вопрос не может быть двух ответов: это было могучее чувство любви к родине, к Крыму, которую они не могли (не хотели?) преодолеть. Это было именно то чувство, из-за которого несколькими годами спустя начала разгораться все шире и шире всенародная и многолетняя борьба за Возвращение. Это было чувство, которому обязано своими достижениями все национальное движение крымских татар за возвращение на Родину – в Крым».

Ибраим ВОЕННЫЙ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЭКСПЕРТЫ ООН О ПОНЯТИЯХ «ГЕНОЦИД»

1. ПОНЯТИЕ "ГЕНОЦИД"

1.1 КОНВЕНЦИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО
ПРИНЯТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ООН 9.12.1948 г. ВСТУПИЛА В СИЛУ 12.01.1961 г.

Статья 2

В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Статья 3

Наказуемы (следующие деяния):

- а) геноцид;
- б) заговор с целью совершения геноцида;

- в) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- г) покушение на совершение геноцида;
- д) соучастие в геноциде.

Статья 4

Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правительствами, должностными или частными лицами.

1.2. ДОКУМЕНТ ООН E/CN. 4/Sub. 2/1993/17 (с.67)

"Трагические случаи насильственного перемещения населения, зачастую осуществляемого в бесчеловечных условиях и вынуждающего перемещаемых лиц бросать на произвол судьбы все свое имущество, могут иметь своим результатом серьезные – физические и психические травмы и даже смерть большого числа представителей перемещаемого народа. Опыт показывает, что насильственное переселение народов, жизнь которых особо тесным образом связана с землей, наиболее быстро приводит к их физическому уничтожению. Взаимосвязь между практикой перемещения населения и геноцидом обретает, наиболее отчетливые формы в тех случаях, когда выселение народа или внедрение поселенцев сопровождается менее закамуфлированными мерами по физическому уничтожению той или иной группы, включающими принудительные аборт, запрет на использование собственного языка, национальных обычаев и религии, заключение под стражу, убийства и пытки".

Право крымских татар на самоопределение

Вопрос о праве на самоопределение относительно нов. До конца XIX – начала XX века какой-либо поработанный народ или нация добивались свободы путем, как правило, вооруженной борьбы, а не апелляциями к праву или международному общественному мнению. Право и политика шли путем закрепления свершившихся фактов: если какому-то народу повезло в ходе исторического развития, он либо вообще не был жертвой колониального захвата, либо у него хватало сил или союзников, чтобы добиться своего освобождения. Если нет – нередко разрушалось его государство, гибла его культура, целый народ истреблялся.

С момента создания ООН и принятия Международного билля о правах, принцип равноправия и самоопределения наций и народов стал международной нормой *jus cogens*, то есть подлежащей безусловному выполнению всеми существующими государствами.

Процесс самоопределения и деколонизации шел достаточно болезненно и последствия его неоднозначны. Однако в результате мир из внутреннего двора нескольких колониальных империй превратился в сообщество нескольких сот формально независимых государств. Каждое из них возникло, как предполагалось, в результате реализации народом этого государства своего права на самоопределение. Вместе с тем постепенно стало проявляться, что и в независимых государствах существуют устойчивые этнические или этнополигические сообщества, которым независимость страны, в которой они проживают, не принесла существенного облегчения участи, не открыла перспектив политического, экономического, социального и культурного прогресса, несмотря на то, что они являются автохтонным населением этих государств, веками или тысячелетиями проживают на своих территориях, внесли свой вклад в культуру этой страны, нередко участвовали вместе с остальными слоями и группами общества в антиколониальной борьбе. Так определилось наличие проблемы коренного населения.

Вслед за Рабочей группой по коренному населению Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН мы будем пользоваться следующим определением: "Коренное население – это коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличающимися от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества,

не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами". Наиболее общими признаками коренного населения считают: "Предсуществование (то есть рассматриваемые жители являются потомками людей, населявших какую-либо область до прибытия другого населения); недоминирующее положение; культурные отличия и сознание принадлежности к коренному населению".

С полным правом можно отнести к коренному населению Крыма четыре этнических сообщества: крымских татар, караимов, крымчаков и урумов. Все они населяли Крым до его аннексии Российской империей в 1783 году, сложившись в особые этнические единицы со своим специфическим культурным, антропологическим, языковым и политическим лицом, на протяжении тысячелетий сохраняя культурную, расовую и духовную преемственность, как с наиболее древним автохтонным населением полуострова (таврами, скифами, сарматами), так и с более поздними племенами и группами, оседавшими здесь в эпоху Великого переселения народов и в Средневековье (гунны, хазары, кыпчаки (половцы), греческие колонисты, византийцы, генуэзцы, готы, золотоордынцы, турки и др.). До российского завоевания их политически объединяло Крымское ханство – средневековое государство, оформившееся на несколько десятилетий ранее Московского. В Крымском ханстве существовал и общий для этих народов язык. Сейчас его называют крымскотатарским, поскольку только крымские татары сохранили его в живом, функционирующем виде. Однако, языки урумов, караимов и крымчаков, пока они существовали, вполне можно было обозначить как диалекты общекрымского языка.

Различия между этими народами существовали в силу особенностей их этногенеза и хозяйственного уклада. Например, крымчаки складывались на протяжении веков как все более интегрировавшаяся в общекрымский социум еврейская община. Этим они отличались от более поздних еврейских переселенцев, сохранявших свою обособленность от собственно крымского населения. Караимы считают себя потомками хазар, господствовавших в Северном Причерноморье в VII – IX веках. Урумы – консолидировавшиеся в особую "крымскую" общность потомки греческих колонистов, начиная с тех, кто появился здесь еще в античные времена, и заканчивая эпохой Восточной Римской империи (отсюда и

название "урум", то есть "римлянин").

Крымские татары – сплав автохтонного, тавро-скифского, населения древнего Крыма с тюркскими союзами, населявшими Причерноморье (начиная с гуннов и огузов и заканчивая кыпчаками (половцами) и ногаями), а также некоторыми этническими группами нетюркского происхождения (готы, аланы, генуэзцы, частично греки). Имели значения также и конфессиональные различия – коренные народы исповедовали иудаизм (и его разновидности – караимизм), христианство, ислам.

Военно-политический разгром Крымского ханства и установление российского колониального режима стали общей бедой для всех коренных народов Крыма. Как ни парадоксально, первой жертвой стали крымские христиане – урумы (а также армянские общины крымских городов), которых еще в 1778 году российские войска депортировали из Крыма в район Северного побережья Азовского моря. Именно они основали там город, названный Мариуполем, в честь своего старого культурного центра – Марьямполья. – под Бахчисараем. Так Крым лишился одного из своих коренных народов. Притеснения и ограничения, которым подвергались в экономической и культурной сфере караимы и крымчаки, также не прошли для них бесследно. Численность этих народов при царском, а впоследствии при советском режиме неуклонно сокращалась. Массовый расстрел фашистами крымчаков в декабре 1941 года, частичная депортация и послевоенная дискриминация караимов поставили эти два народа на грань физического исчезновения.

Крымские татары также потерпели страшный урон в результате двухсотлетнего колониального ига. В результате карательных акций и бегства за границу был подорван генофонд нации, происходило тотальное разграбление и уничтожение памятников культуры и религии, экспроприровалась земельная и иная собственность, осуществлялась последовательная дискриминация в политической сфере. Удивительно, насколько внешне антагонистические политические режимы – царский и советский – были последовательны в отношении геноцида и этноцида крымских татар. Депортация 1944 года по замыслу ее авторов – высшего советского руководства – должна была наконец-то полностью стереть с лица земли крымских татар как народ. Благодаря стойкости и мужеству старшего поколения, благодаря самоотверженной борьбе и жертвам активистов Национального движения, благодаря горячей в сердцах любви к своей единственной Родине – Крыму – крымскотатарский народ выжил и возвращается на свою землю. Одновременно он требует признания и осуществления сво-

их естественных и неотъемлемых прав человека, как на уровне отдельных людей и семей (возвращение имущества, отнятого при депортации и т.п.), так и на общенациональном уровне, включая и право на самоопределение. В связи с этим возникает ряд вопросов.

Есть ли различия между коренными народами Крыма и гражданами, депортированными из него в 1941-1944 годах по национальному признаку?

Есть ли различия между коренными народами Крыма и его некоренным населением в случаях, когда речь идет об одноименных этнических группах?

Можно ли говорить не только об этнокультурных, но и статусно-правовых различиях между самими коренными народами Крыма и каково их влияние на вопрос о самоопределении?

Должна ли идти речь о самоопределении всего коренного населения Крыма или каждого из коренных народов в отдельности?

Что общего и что особенного в проблеме восстановления прав крымских татар как коренного народа в сравнении с другими аналогичными ситуациями?

Как следует из предыдущего изложения, на территории Крыма в прошлом проживали этнические сообщества, носившие названия, сходные с наименованиями этнических меньшинств, депортированных из Крыма в годы Второй мировой войны. Это часто используется в качестве аргумента, чтобы оспорить статус крымских татар как коренного народа Крыма и поставить под сомнение их право на самоопределение. При этом используются сугубо поверхностные аналогии, основанные на незнании или замалчивании исторических фактов.

Следует сказать, что армянская, болгарская, греческая и немецкая общины, потомки которых были депортированы в 1944 году, появились в Крыму в разные десятилетия XIX века. Крым стал колонией России, и царское правительство проводило активную политику изъятия земель у крымских татар и насаждения на них колонистов из Западной Европы и эмигрантов из Османской империи. Преследовались две цели: экономическая – прибрать к рукам сельское хозяйство Крыма, и политическая – заселить колонию населением, лояльным к России и недружественным, по представлениям царских чиновников, коренному народу.

К этому времени исторические крымские греки и армяне уже несколько десятилетий были разлучены с Родиной. Крымские готы (германоязычное племя, появившееся здесь в эпоху Великого переселения народов и осевшее в некоторых горных районах) влились в формирующийся крымский этнос, наложив свой отпечаток на внешний облик, язык и культуру некоторых групп крымских татар. Исторические болгары, тюркоязычные

племенное объединение, жившее в Северном Причерноморье в VII – VIII веках, давно уже разделились на три части. Одна из них ушла за Дунай и, будучи ассимилирована славянами, дала имя и первую царскую династию современным болгарам; другая, откочевав в верховья Волги и слившись частично с местными угрофинскими племенами, частично кыпчаками Золотой Орды, стала одним из прародителей волжских татар; третья, оставшаяся на месте, входила в Хазарский каганат, а позднее, слившись с иным населением, наполнявшим Крым, также стала одним из компонентов становящегося крымскотатарского этноса. Таким образом, армяне, болгары, греки и немцы, депортированные из Крыма советским режимом, не являлись его коренным населением.

Современная армянская, болгарская, греческая и немецкая общины, проживающие в Крыму, также не являются прямыми преемниками этих депортированных меньшинств. Лишь по несколько процентов среди них доставляют граждане, подвергшиеся депортации, их потомки, либо члены их семей. В подавляющем большинстве современные армяне, болгары, греки, немцы в Крыму – люди, не имеющие отношения к депортированным, приехавшие сюда из различных регионов бывшего СССР, в том числе из мест традиционного проживания (Кавказ и т.п.).

Таким образом, вопрос о репатриации и восстановлении прав лиц, насильственно депортированных из Крыма, и вопрос о самоопределении крымскотатарского народа – два самостоятельных и несходных в своей основе вопроса. В первом случае – это необходимость восстановления индивидуальных прав людей, подвергшихся незаконному насилию со стороны государственных органов, во втором – необходимость обеспечения прав целостного народа.

Существовавшее исторически Крымское ханство было государством общим для крымских татар, караимов, крымчаков, урумов. Общим не только в смысле территории, но и в смысле особого режима культурной и религиозной терпимости и фактического равенства перед законом. Исключение было в отношении воинской службы, к которой допускались только мусульмане.

Крымские татары составляли значительное большинство населения, что накладывало свой отпечаток, но национальность или конфессия не играли существенной роли при занятии государственных должностей. Больше сказывались, как и везде при феодализме, знатность происхождения, имущественное положение и личные способности.

Однако нынешняя ситуация такова, что урумы уже более двухсот лет живут вне своей исторической Родины и, насколько известно, среди них нет сколько-нибудь выраженного движения за возвращение в Крым. Ставить вопрос о самоопределении этого народа в Крыму, по-видимому, бессмысленно. Караимы и крымчаки, обескровленные в результате бесчисленных насилий над ними со стороны различных режимов, нуждаются в правовой защите и покровительстве со стороны государства. Моральный долг любого правительства – обеспечить выживание этих народов. При наличии желания с их стороны этим народом должна быть обеспечена возможность самого широкого самоуправления, социальных, культурных и юридических льгот, однако, говорить об их самоопределении в смысле формирования какой-либо государственности вряд ли возможно.

Таким образом, реально может быть поставлен только вопрос о самоопределении крымских татар. Однако рассматривать его вне связи с реально существующими обстоятельствами также невозможно.

Что касается аннексии конца XVIII века, то, как говорил А.Герцен, «завоевание факт, а не право». Известно, что Екатерина II провозгласила присоединение Крыма и прилегающих земель к России в одностороннем порядке и вопреки условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Сам разгром суверенного Крымского ханства, карательные акции и отношения сопротивляющихся российскому вторжению, как нельзя лучше свидетельствуют о том, что это такой же колониальный разбой, как и всякий другой. Так называемое присоединение Крыма к России осуществлялось вопреки воле его коренных народов путем военного захвата и неограниченного насилия, чему достаточно свидетельств, в том числе документальных, со стороны очевидцев и участников событий. Обосновывать свои претензии на Крым собственной агрессией более двухсотлетней давности является в корне неправомерной.

Надир БЕКИРОВ

«Товарищ командир, извините, я депортировал вашу сестру...»

С писателем Рустемом Муедином судьба сыграла злую шутку. В годы войны он служил в НКВД, и его часть непосредственно участвовала в депортации крымских татар, включая его... ближайших родственников. Вот как рассказал об этом сам писатель краеведу Гирею Баирову.

В мае 1944-го часть НКВД, в которой служил Рустем Муедин, размещалась в Симферополе. Каждый вечер его сослуживцы выходили патрулировать улицы Симферополя. Кроме Рустема, в этой части служило ещё семеро крымских татар.

«17 мая вечером нам ничего не сказали, из части все однополчане ушли. Мы решили, что они на патрулировании и легли спать, а они, оказывается, поехали выселять крымских татар», – вспоминал писатель.

Примерно в 5 утра, когда уже светало, один солдат разбудил Рустема и между ними состоялся такой диалог:

– Товарищ командир, извините меня.

– За что ты должен извиниться, что случилось?

– Я выселил вашу сестру, – ответил солдат.

– Как выселил? С чего ты взял, что это моя сестра? – удивился Рустем.

– Мы зашли к ней в дом, у неё было двое детей. Она сказала, что её младший брат служит в НКВД. Я спросил, как его зовут. Она ответила: «Рустем Муединов». Так это мой командир! Я помог ей погрузить чемодан и детей в машину...

Рустем Муедин (стоит крайний слева) с родителями, братьями и сёстрами. Симферополь, довоенные годы (из архива Севиль Севдияр)

Рустем надел свою военную форму и с одним из товарищей бросился к дому своих родителей, но никого там уже не застал. Оттуда он побежал в дом сестры, где увидел лишь трёх чужих женщин – они вели учёт оставшегося в домах крымских татар имущества. Рустема в дом не пускали, но он всё же проник туда и, подобрав с пола альбом с фотографиями, ушёл обратно в часть.

Спустя две недели из Крыма выселили и самого Рустема. Его вместе с другими сослуживцами – крымскими татарами отправили в Узбекистан. А дальше всё было как и у всех остальных крымских татар – жизнь в условиях спецпоселения, похороны близких, лишения и унижения...

Если бы они только знали, что будет дальше...

На этом фото довоенных лет – две сестры: Зоре (слева) и Эсма Османовы. Они родились в Феодосии в семье турецкого подданного Беляла.

С приходом советской власти отец решил перевезти семью в Анкару. Документы были уже готовы, осталось дождаться отплытия парохода. Но супруга Беляла – уроженка Феодосии Эмине – расплакалась: ей совсем не хотелось расставаться с родными. Муж пожалел её и сдал

билеты. Если бы он только знал, что будет дальше...

А дальше была война. Эсму немцы угнали в Германию на принудительные работы. А всех остальных членов семьи (отца к тому времени уже не было в живых) советская власть депортировала в Костромскую область. Там, на чужбине, им пришлось жить в гнилых бараках и работать на лесоповале (самая старшая дочь Асибе вскоре умерла от непосильного труда).

Младшую Зоре и её братика Мамута забрали в детский дом. Там их, по крайней мере, кормили. Позже Зоре вспоминала, что её постоянно мучила совесть из-за того, что мама продолжает жить в голоде и холоде. Девочка тайком убегала к матери и носила ей свой паёк.

После войны сестра Эсма вернулась из Германии в СССР, но ещё долго не могла добиться встречи с родными. Воссоединиться с семьёй ей удалось лишь в 1956-м – к тому времени все они уже жили в Узбекистане.

В 1976-м Зоре, уже будучи взрослой женщиной, впервые после депортации приехала в родную Феодосию. Её дочь Зера (это она поделилась с нами семейной историей) вспоминает: «Мама просто попросилась войти в свой дом, чтобы вспомнить детство, но испуганные новые хозяева нас не пустили. Разрешили только во двор, и то ненадолго. Там сохранилось старое абрикосовое дерево. Мама сорвала себе и мне по абрикосу, мы съели, а потом она расплакалась...»

Сервер Мамут оглы Меметов на войне должен был погибнуть.

Но случилось чудо.

Уроженец села Агъач-Эли, он был кадровым офицером и оказался в самом пекле – на передовой линии фронта. В одном из боёв Сервер Меметов получил тяжелое ранение и остался лежать прямо в поле, среди множества погибших – санитары посчитали его умершим. И лишь случайно, во время повторного обхода, его обнаружили сослуживцы и направили в госпиталь.

После выздоровления Сервер Меметов вернулся в строй. А к концу войны его грудь украшало множество боевых орденов и медалей. И как же обидно было мужчине узнать, что всех его родных, пока сам он воевал на фронте, предательски депортировали из Крыма в Среднюю Азию!

После войны Сервер Меметов преподавал военное дело в одной из школ г. Янгюля Ташкентской области. Очень любил детей и обладал отменным музыкальным слухом – мог свободно подобрать любую мелодию на фортепиано и мандолине.

Серверу Меметову повезло вернуться в родной Крым, но прожил он здесь только несколько лет.

«Мне всегда было больно и обидно, что мои дедушки воевали и были серьёзно ранены, а нас продолжали называть предателями», – рассказывает внучка Сервера-къартбаба Гульнара Абиева.

Кривое зеркало

Вы бывали в этих странных лабиринтах с зеркалами, которые уродуют всё, что отражают? Они показывают стоящего перед ними то тонким, как бамбук, то круглым, как овсяное печенье, то угловатым, как ромб. Через пять минут подобной прогулки по лабиринту с кривыми зеркалами человек начинает незаметно оцупывать себя, вспоминая, как он выглядит на самом деле. Но из лабиринта можно выйти, а от зеркала отойти, а если такие зеркала повсюду в реальности? Как мнениа, принятые за истины?

... Звонок прозвенел так быстро и так резко, что в голове у Мемета тоже зазвенело, а в груди что-то дрогнуло. Руки похолодели. Что сейчас будет? Закончился второй урок, и начиналась большая перемена, на которой должна состояться школьная линейка. Неужели учительница и правда так поступит: выведет их с Джемилем перед всеми классами и поругает? Мемет посмотрел на Джемиля, тот сидел, опустив голову, видимо, думая о том же, что и его друг.

– Четвёртый класс, строимся на линейку! – голос учительницы прогремел страшнее, чем звонок.

«Ничего. Я сильный и справлюсь. Что она мне сделает? Пусть выводит, пусть ругает».

На линейку в фойе школы выстроились все младшие классы. Завуч долго вручала цветные листочки, заменяющие грамоты, детям, победившим в разных конкурсах. Но тут слово дали учительнице их четвёртого класса.

– Ребята, все вы знаете, что мы готовимся к празднованию Дня Победы! Все мы учим песни, готовим выставку и носим памятные ленточки! Но есть в нашем классе два ученика, которые эти ленточки носить не хотят, а значит, не уважают память! Выходите, выходите, покажите себя! – учительница вытолкала на середину фойе Мемета и Джемиля. Они оба стояли, опустив головы и непроизвольно краснея.

Нет, не все ребята смеялись в тот день над ними...

Скоро наступила новая дата в школе, на этот раз трагическая – 18 мая, день депортации крымских татар. Некоторые ребята пришли в школу с голубыми ленточками, но у многих их не было, потому что взять было негде, в школе не раздавали. Линейку в школе не стали проводить, сказали, что будет у каждого класса классный час. Но завуч так долго меняла расписание, что в итоге поставила всем классные часы на последние дополнительные уроки, с которых вся школа благополучно сбегала. А после обеда было мероприятие в сельской библиотеке, и Мемет с Джемилем, отпросившись у родителей, пошли туда. У входа в библиотеку уже собралось много людей, здесь были и дети, и взрослые. Ждали, когда подключат большой экран, чтобы посмотреть фильм «Хайтарма».

В этот момент мимо проходили две девочки из третьего класса, и одна из них спросила у Мемета:

– А какой у вас сегодня праздник?

10.05.2020

Зера ЦЕННИКОВА

*Я живу словно в душевной комнате,
А мне нет еще двадцати.
И душа как в глубоком омуте.
И мне нечем её отвести.*

*Небо серое тучи надвинуло
И не легче мне день ото дня
Я молю об одном, чтобы схлынула
Эта тяжесть с души от дождя.*

1980 г.

Я не была в Крыму

*Я еще не была в Крыму.
Не могу побывать и сейчас.
Было 9 отцу моему,
Когда выслали с родины нас.*

*Было холодно. Плакали дети,
Мать, за юбку схватив на бегу.
Всех сажали в вагоны, как в сети,
Предвещая большую беду.*

*А потом были долгие зимы,
Среди ночи, тайги и тревог,
Там в безлюдье остались могилы
Тех, кто выжить в изгнание не смог.*

1980 г.

Долг

*Я должна заставить себя слушать –
Криком, истерикой, мольбой.
Я больше не могу унять бунтующую душу
И говорить сама с собой:*

*Мне надо рассказать о моей боли.
Быть может, кто-то вдруг меня поймет,
Мне надо вызвать из неволи,
Поднять с колен мой оскорбленный род!*

1985 г.

Родина

*Родина – я на коленях,
Голос Земли не пойму.
Я из того поколения,
Что родилось не в Крыму.*

*Родина, горько мы плакали,
Дрались до крови и слёз.
Странное слово «предатели»
Каждый сквозь детство пронёс.*

*Бросьте – жестоко кричали нам,
Столько воды утекло.
Помним – упрямо молчали мы,
Родины милой тепло.*

1987 г.

*Я пришла к тебе,
О мой Крым!
С твоим ветром к морю.
Мы бежим*

*Твоё солнце нежно
Я ловлю
Как тебя, о Родина,
Я люблю.*

*Обними ветвями.
Крымский лес,
На плечах меня подняли
Горы до небес.*

*Мягко под ноги ложилась
Крымская земля – нет, меня ты не забыла,
Родина моя!*

1988 г.

Горе

*Стало море чёрным – от горя,
Стало море солёным – от слёз:
Слишком долго, кому-то вторя,
Ветер вольную весточку нёс.*

*Стали мёртвыми скалы – от горя,
Стали горы седыми – от слёз:
Слишком долго, кому-то вторя,
Ветер вольную весточку нёс.*

Парварда

Зоре забежала в магазин на одну минуту: купить домой хлеб. Весеннее солнце и цветущие деревья радовали сердце. Любимый Крым! Как ты прекрасен каждую весну!

– Здравствуйте! – обрадовалась продавщица. – Привезли то, что вы просили, парву... павры...

– Парварду? Как хорошо! Спасибо! А мелкие конфеты у вас есть?

– Да, выбирайте, – ответила продавщица и тут же начала собирать сладости в пакетики по указанию Зоре.

И чёрт за язык дёрнул Зоре продолжить разговор, хотя раньше она обходилась лишь необходимыми фразами в общении с этой милой и приветливой женщиной. Но слова вылетели сами собой:

– У нас, у крымских татар, так принято: к кофе подавать мелкие угощения. Парварду, сахар варёный, конфетки. А к нам сегодня гости могут приехать, очень вовремя вам привезли парварду. – Зоре улыбалась.

– А почему вы говорите КРЫМСКИЕ татары? Какие же вы крымские. Вы же откуда, из Казани сюда пришли?

– Нет, мы разные народы. Крымские татары – коренной народ в Крыму. Мы не пришли, мы всегда были, – слова теперь давались с трудом, улыбаться не хотелось, дыхания не хватало. Хотелось поскорее расплатиться и выйти.

– Вот мы здесь уже три века живём, из поколения в поколение, мы – коренные, – было видно, что продавщица говорит не со злобы и не для того, чтобы поругаться. Она действительно думала так, как говорила.

– Мы здесь живём тысячелетиями, хотя нас и пытались уничтожить, – Зоре старалась оставаться вежливой. – В сорок четвёртом выслали, а до этого в нашем селе только одна русская семья жила, все остальные – крымские татары.

Зоре старалась быстро расплатиться, краска предательски заливала лицо. Не от стыда, а от досады и обиды.

– Спасибо! – вежливо сказала Зоре и направилась к выходу, и едва уловимо услышала брошенные ей вслед слова.

– Выслали, так было ж, наверное, за что ... – добрая и улыбочивая женщина сама расстроилась от того, что расстроила Зоре, но у неё не было другого мнения, а эти слова вырвались как итог её многолетним заблуждениям.

Свежий ветер приятно коснулся пылающих щёк. Зоре сдержала слёзы.

«Почему, – думала она. – Ну, почему? Ведь сейчас не 44, не 88, не 95 года... На дворе 2019 год. Почему до сих пор люди задают такие вопросы и не знают всей правды?».

И только цветущие яблони раскачивались в ответ, и только воздух был родным, как молоко матери.

08.05.2020

Алие КЕНДЖЕ-АЛИ

НЕФИС КЪАЛЕМ

*Стали степи сухи – от горя.
Стало небо бесцветным – от слёз:
Слишком долго, кому-то вторя,
Ветер вольную весточку нёс...*

1988 г.

*Я стою на Симферопольском вокзале,
Крепко за руки детей своих держу.
Мы вас не пропишем, – нам сказали.
От отчаянья я слов не нахожу.*

*А напротив на скамейке грязной,
Повернув ко мне свой рваный бок,
Женщина лежала безобразная.
Растянув бессстыдно пару ног.*

*Все равно ей было в пьяных тисках,
Где валяться, на какой земле.
Ей и так позволена прописка,
О которой лишь мечталось мне.*

*Я стояла на померкнувшем вокзале,
Мать двоих заплаканных детей.
Мы вас не пропишем, – нам сказали.
Боже, где же совесть у властей?*

1988 г.

На крымских кладбищах

*Это для памяти – памятники,
Чтоб как-то восполнить потерю,
Мои оскверненные памятники,
Еще вас подымут – я верю!*

*Снесли полумесяц, разбили гранит,
Под эту грудой мой прадед лежит.
Мне больно смотреть, но я глаз не свожу.
У этих останков прощенья прошу:*

*Прошу за погибших, за нерождённых,
Прошу за воспетых, за оскорблённых,
Прошу за детей и за дедов своих,
За всех, кто на свете остался в живых.*

*Пусть памятник варварству вечно стоит,
В разбитых останках от мраморных плит,
Пусть память горькою снова взойдет
Живой полумесяц на наш небосвод.*

1989 г.

Солдату, участнику выселения

*Кто ты был, солдат,
Стоящий в дверях,
Когда женщина, вся холодея,
Собирала детей влопыхах,
Не посмеяв ненавидеть злодея?*

*Кем ты стал, солдат.
Где нашел свой причал?
Ты забыл или, может, не смог:
Как испуганно дети кричат,
и как стонет земля от сапог?*

1989 г.

Изгнанные

**Брату моей матери Кайбуллаеву
Абрику посвящается.**

*Пусть терпит терпеливая бумага,
Покрою белый лист свою болью.
Пусть память, все припрятавшая скряга,
Отдаст ей слёзы с горькой солью...*

*Я расскажу вам, как в России,
В глухой тайге, среди болот,
Татары крымские прожили.
Свой самый первый ссыльный год.*

*Как шёл мальчонка по деревням,
Прося каких-нибудь кусков,
Как он кричал большим деревьям,
Прося спасти от злых волков.*

1989 г.